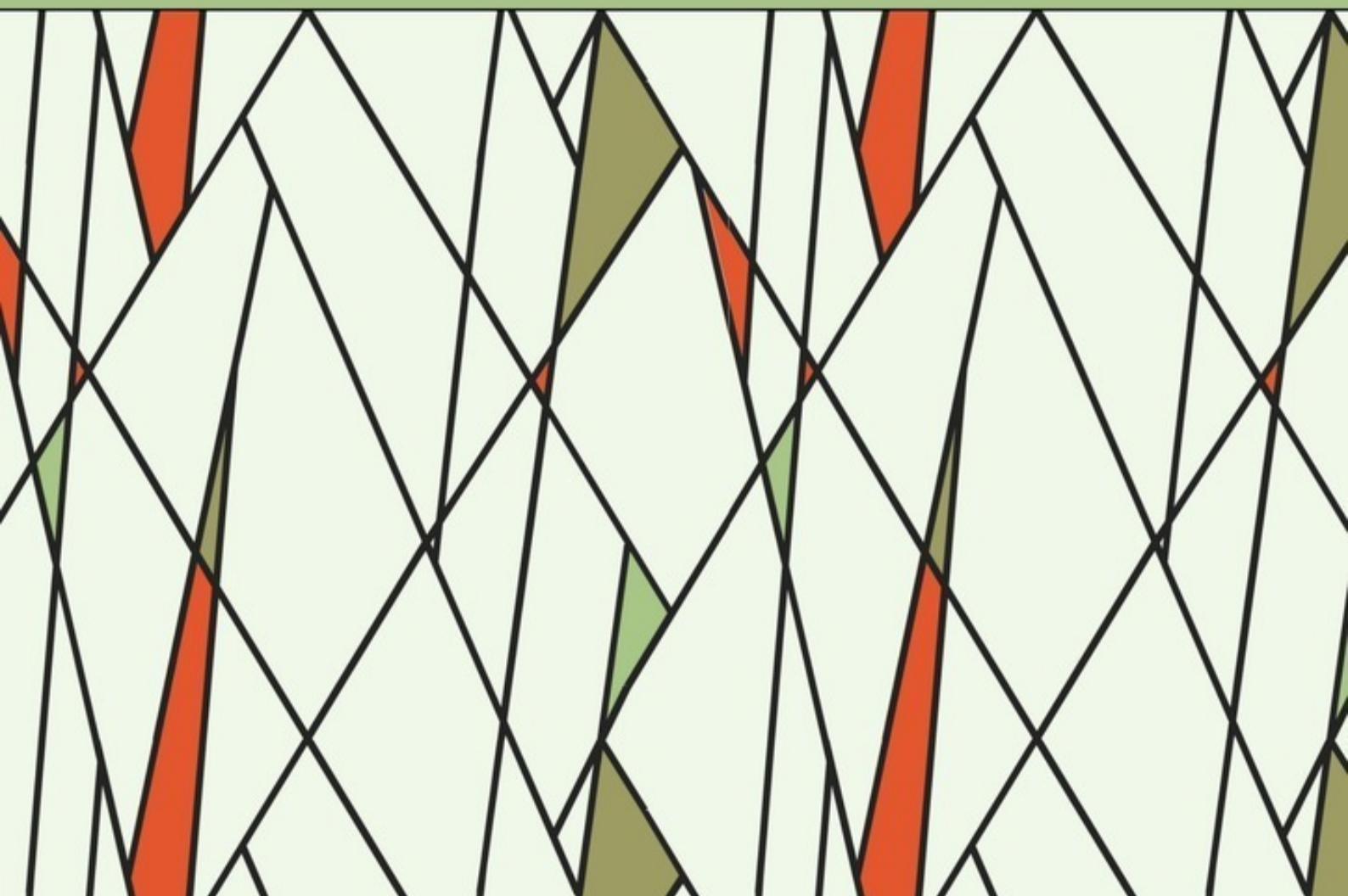

Юрий Машков

*ВСТРЕЧИ
С ПРОШЛЫМ.
СТИХИ*

Юрий Машков

Встречи с прошлым. Стихи

«Издательские решения»

Машков Ю.

Встречи с прошлым. Стихи / Ю. Машков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-903963-7

Глубокая, трогаящая за душу, книга воспоминаний о жизни простого жителя Москвы в середине XX века, когда автор был еще ребенком, а затем — молодым человеком. И эмоциональные беспощадные стихи нашего времени.

ISBN 978-5-44-903963-7

© Машков Ю.
© Издательские решения

Содержание

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ	6
МАРЬИНА РОЩА	6
ТАРУСА	18
ПАНОРАМА «ВОЛОЧАЕВСКАЯ БИТВА»	23
Конец ознакомительного фрагмента.	25

Встречи с прошлым. Стихи

Юрий Машков

© Юрий Машков, 2018

ISBN 978-5-4490-3963-7

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

ВСТРЕЧИ С ПРОШЛЫМ

МАРЬИНА РОЩА

Прошлое – тень настоящего. Прошлое постоянно напоминает о себе. Письма, открытки, фотографии – тропинки, ведущие в прошлое. Я выбрал одну из них, и память привела меня в Марьину Рощу. Здесь начало моего детства, дороги во взрослую жизнь.

Слева от окна на стене часы—ходики. Колебания маятника похожи друг на друга, как и дни, приходящие на дни ушедшие. Воздушная тревога, бомбоубежище, вечерняя и ночная проверка документов милиционером, взрослые рано уходят на работу и поздно возвращаются.

В сентябре 1941 года эвакуация в Челябинск. В этом городе нет воздушных тревог, небо без аэростатов и лучей прожекторов, дни мелькают быстрее, чем столбы за окнами скорого поезда.

Неожиданно все изменилось. Почтальон принес похоронку. Я оставил островок детства и отправился плыть по безбрежному морю людских отношений, разлук, встреч. В Москву вернулся летом 1943 года. В комнате было тихо. Часы-ходики не ходят. Маятник намаялся и застыл на месте. Гирия опустилась до пола, отдыхает. Громкоговоритель молчит. На стене справа от окна плакат. На нем два рисунка и под каждым текст. Маршируют немцы. На плечах вместо винтовок большие ложки. «У русских каша есть. Будем кашу есть.» Следующий рисунок. Справа великан красноармеец. В руках винтовка со штыком. Бегут в страхе немцы лилипуты. У одного оголенный зад. «Каша есть, но не про вашу честь».

На полу вижу шляпки гвоздей и вспоминаю, как трудно было оставаться одному в закрытой на ключ комнате. Скучно. Время бесконечно тянется. Дедушка придумал, чем мне заняться. Утром он оставлял для меня гвозди и молоток, днем гвозди забивал в пол, вечером обсуждали мою работу.

Тишина давила. Я встал на табуретку и тянул цепочку часов-ходиков до тех пор, пока гирия не поднялась до упора. Толкнул маятник. Начался отсчет нового этапа моей жизни. Включил громкоговоритель – пела Русланова. Через неплотно закрытую дверь донеслись слова соседки Евдокии Дмитриевны: «Нажрались колбасы – вот и поют». Мы жили в коммунальной квартире, на втором этаже двухэтажного бревенчатого дома с плохо устроенным бытом – вода из колонки, печное отопление, туалет во дворе, приготовление пищи на керогазе. Керосин покупали в лавке на Шереметьевской улице. Там всегда была очередь. Она шла вдоль стены дома, затем по ступенькам опускалась в подвальное помещение. На полу ванна с керосином. Над ванной с длинными ручками два металлических стакана. Везде очередь – за дровами, за хлебом. Хлеб в булочной по карточкам за деньги, дрова за деньги по талонам. Без очереди можно было купить все нужное – на Миусском рынке. Для детей взрослые покупали пугачи, пистолеты с бумажными обоймами. Привлекал внимание сазофон. Игрушка была похожа на саксофон. С боков два отверстия. Пальцем прикрывалось левое отверстие, изменялся тембр звука, правое отверстие – громкость.

Наш двор – сцена театра под открытым небом. День. Мужчина несет мешок. Остановился, кричит: «Покупаю, продаю, меняю старые вещи». Тишина. Уходит. Приходит точильщик, все слышат: «Точу ножи, ножницы, топоры». Желających нет. Уходит. Поздний вечер. Блатные отмечают возвращение из зоны вора Пятилетки.

В этом дворе я с товарищами играл в двенадцать палочек, пристенок, ножички, расшибец, слона, жмурки, чеканку, хоккей, запускал в небо воздушного змея на всю катушку. Это было опасно, так как нить прогибалась и могла в любой момент оборваться от порыва ветра. Когда змей начинал снижаться, кувыряться, мы говорили курдыкает, быстро нитки

наматывали на катушку. Для воздушного боя змей делали из плотной бумаги, концы планок заостряли, подбирали толстые, прочные нитки. Старались острыми концами планок порвать бумагу, оборвать нить или хвост у чужого змея. Когда нитки с катушки быстро сматывают – змей опускается, если наматывают – змей поднимается. Подергивание за нить приводит к подъему змея. Если змеи запутывались, то нить быстро попеременно правой и левой рукой подтягивали на себя до возвращения змея к хозяину. Иногда нить обрывалась, и змей улетал.

Пришла осень и принесла ненастье. Еще не схватил землю первый морозец, а мы уже перестали ходить в кинотеатр «Октябрь» на Шереметьевской улице. Прошел слух о зверском убийстве семьи на Полковой улице и опера на станции Станколит. Волны убийств и грабежей докатились до нашего двора. На первом этаже соседнего дома убили пожилую женщину, на втором этаже молодого мужчину. Раздели внука соседки Евдокии Дмитриевны, украли деньги и карточки на хлеб у меня. Я переживал и ждал сурового наказания – меня поставят в угол. Было непонятно, как это можно сделать, если все углы в комнате заняты мебелью. Бабушка не кричала на меня и не ругалась. Она сказала: «И на старуху бывает проруха. Ничего, Бог даст – проживем один день и без хлеба». Мы собрали хлебные крошки и приготовили тюрю. Рецепт простой. Вода, соль, хлебные крошки, чайная ложка подсолнечного масла. Я ел тюрю, размачивал в ней кусок твердого жмыха, обсасывал его как леденец. Было вкусно.

Приближалась зима. В оконную коробку вставляется зимний переплет, топится печка.

Постепенно местные новости ушли на второй план. Чаще стали говорить о войне, ждали окончание войны.

Был теплый майский день. К бабушке пришла ее знакомая: «Матвеевна, ты посмотри, что делается. Кому война, а кому мать родна. Вернулся с войны тот, кто под вами жил. Много добра привез, даже собаку». Из окна было видно, как солдаты под руководством офицера переносили большие и маленькие ящики из машины в подъезд.

Быстро пролетело лето. Я иду в школу. Смогут ли в школе объяснить мне удивительное поведение животных?

Над крышей двухэтажного дома зависла луна. Окно на втором этаже привлекает внимание. Комната была освещена светом церковных свечей, в ней покойник.

Под окном на задних лапах сидят три собаки. Они пришли на запах беды, запах смерти. Никогда в этих местах не было видно собак. Откуда они пришли и зачем? Почему, задрав вверх свои морды, они воют? Пытаются сообщить всем о горе, которое вошло в этот дом, на своем языке, недоступным нам? На бульжной мостовой часто встречаются колдобины. Обхожу их и вспоминаю, как впервые увидел лошадь, запряженную в сани. Зима. Бульжная мостовая укрыта снегом. Верхний слой обледенел, блестит. Послышался глухой топот. Увидели лошадь, запряженную в сани. Она быстро приближалась к нам, играющим на мостовой. В испуге убежали от опасности. Один из нас поскользнулся, упал на колени. Лошадь сбила его грудью, не остановилась, продолжала свой бег. Мы стояли оцепеневшие от ужаса. Умчались сани. На снегу лежал неподвижно наш товарищ. Вот он задвигал руками, ногами, привстал на колени, встал на ноги, отряхнул одежду от снега, пошел к нам. Ни лошадь, ни сани не причинили вред ему.

Проехала грузовая машина, затем еще две. Они подпрыгивали, наклонялись то в одну, то в другую сторону. Из кузова на мостовую падали немецкие монеты. Их везли на московский завод цветных металлов для переплавки.

Школа была переполнена. Шесть первых классов. Пришли учиться те, кому исполнилось семь лет, и не ходившие в школу во время войны.

Они учились в одном классе. Одни хотели учиться, другие им мешали, срывали уроки. Перед входом в школу старшие ученики засовывали малышам за воротник рубашки стекловату, в карманы опускали самовоспламеняющуюся смесь. В электрошите под рубильник подкладывали мокрую промокашку. Когда она высыхала, в классе становилось темно. В соске

делали отверстие, надевали на водопроводный кран, зажимали пальцами отверстие, заполняли соску водой. Она была похожа на шар. В классе направляли соску на горящую лампочку, разжимали два пальца, перекрывавшие поступление воды в отверстие соски. Струя попадала на лампочку – хлопок, в классе темно.

Я учился читать, писать, играл с товарищами во дворе. Мы ходили на линию посмотреть сбитые во время войны самолеты. Железнодорожные пути между шестым и восьмым проездами мы называли линией.

На платформе – солдат с винтовкой. Он охраняет то, что осталось от сбитых самолетов – кабины, крылья, хвостовые части.

Осторожно, чтобы нас не увидел часовой, залезали в кабины, собирали гильзы и пули. Школа, звонок, окончились занятия. Иду в раздевалку, долго ищу свое пальто. Оно исчезло, я пришел домой продрогший. Узнав о пропаже пальто, бабушка ушла в школу. Там она провела свое расследование. Выяснила адреса тех, кто мог бы совершить кражу.

Заходила в квартиры, говорила с ребятами, их родителями, узнала адрес воришки. В комнате, где жил воришка, бабушку встретили неприветливо, но пальто вернули. На следующий день воришка избил меня. Он был старше, сильнее. Разбил нос, губы. Из дома не выходил. Ждал, пока заживут губы и нос. Бабушка в это время хлопотала о переводе меня в другую школу.

Есть дни, которые не забываются, не истираются из памяти – я хожу в новую школу. Она другая, чем та, в которую я ходил. Осень 1947 года. К нам приехал Степан Степанович – старший брат дедушки. Они давно не виделись, им было что вспомнить, рассказать друг другу.

Прошло несколько дней. Я пришел из школы домой. На вешалке фуражка и шинель. В комнате Степан Степанович. «Проходи, садись за стол». Он налил в стакан из бутылки водку, выпил. Я обратил внимание на два ордена Красного Знамени. Они отличались от тех орденов Красного Знамени, которые видел у вернувшихся с войны. У них орден при помощи ушка и кольца соединялся с пятиугольной колодочкой. На нижней части лаврового венка находилась лента с надписью «СССР». У Степана Степановича ордена без колодочек, лента с надписью «РСФСР». Я вспомнил, как мы играли в фантики на немецкие железные кресты и медали. В парке культуры и отдыха имени Горького лежала груда немецких железных крестов и медалей. Сверху они были накрыты металлической сеткой. За бутылку водки сторож на несколько минут уходил от охраняемого объекта. Мужчины в это время пытались проволочными крючками вытащить из-под сетки немецкие награды. Они были похожи на рыбаков – если повезет, клонет. Быстро проходили минуты, возвращался сторож, прекращалась рыбалка.

«Утром я уезжаю. Не знаю, увидимся ли с тобой еще раз. Никому не говори, о чем я тебе расскажу. Многие уже пострадали за свой длинный язык. Я член партии с 1917 года. В Гражданскую войну был комиссаром в армии и на флоте. Воевал – награжден двумя орденами Красного Знамени. Была семья, теперь один, пенсионер». Вздыхнул, налил в стакан водку, но не выпил. «Жену зарубили за то, что она была женой комиссара. Сын Евгений в лагере. Его обвинили в предательстве. Меня вызывали, допрашивали. Боялся не за себя, а за всех близких, родных. Любого могли взять и посадить».

Евгений работал во время войны в Италии. Опоздал на встречу с товарищем. Сына задержали на улице и привели в участок. После проверки документов отпустили. В Москве решили, что за время пребывания в участке его могли раскрыть, завербовать». Степан Степанович замолчал, вытащил из кармана кителя листок бумаги, протянул мне. Это был длинный перечень дат и должностей, которые занимал Степан Степанович. Я возвратил ему документ. Он сложил его, положил в карман кителя. Это была первая и последняя встреча.

В декабре 1947 года проведена денежная реформа и отмена карточной системы. Не все верили, что карточная система отменена навсегда. Название папирос «Бокс» расшифровывали по-своему – «благодарим отмену карточной системы, скоро карточки опять будут». Слова

о денежной реформе прозвучали как гром среди ясного неба. Все – в панике. Завтра их деньги не будут стоять и ломаного гроша.

Универмаг. Покупателей встречают пустые полки и витрины. Лишь на первом этаже, в отделе музыкальных товаров лежали пластинки с записью речей Ленина и Сталина.

Соседка Евдокия Дмитриевна очень переживала потерю своих денег, которые она собирала по крохам. Экономила на всем, чем могла. Свою печку не топила. Обогревала комнату через приоткрытую дверь теплым воздухом с кухни. У нее не было громкоговорителя, так как за радиоточку надо платить. Мужа дочери Анны она невзлюбила за то, что он очкарик, часто была внука Валерия.

Анна жила на Стрелецкой улице, а Евдокия Дмитриевна на пятом проезде. От дома Анны до дома Евдокии Дмитриевны дорога короткая, но для них она оказалась непреодолимой.

Однажды я пришел в клуб московского завода цветных металлов посмотреть кинофильм. Купил билет. На нем нет номера ряда, места. Каждый садился там, где хотел. Звонок. Вхожу в кинозал. Первые три ряда не заняты. Сел в середине третьего ряда. Слева от меня у входной двери стоит билетерша и внимательно смотрит в зал. Неожиданно справа занял место не знакомый мне парень. Когда погас свет и на экране замелькали первые кадры новостей дня, парень повернул ко мне голову, показал нож и сказал, чтобы я раздевался. Что делать? Резко встал и быстро передвигался вдоль ряда кресел, затем побежал к двери. Билетерша видела все происходящее, приоткрыла дверь в кинозал, затем ключом открыла дверь для выхода на улицу, тихим голосом сказала, чтобы я бежал домой и сюда больше никогда не приходил.

В свободное от учебы время ходил в библиотеку. Чтобы сдать или получить книги, надо отстоять очередь, которая начиналась на лестнице. В читальном зале часто все места были заняты. Приходил пораньше, читал, переносился в другие времена и страны, где идет вечная борьба добра и зла, живут мушкетеры и рыцари.

У нас – гости. Бабушка дала мне деньги, бидон и сказала, чтобы я купил конфеты и сироп. Обошел все ближайшие магазины. В одном была коробка с конфетами на витрине. Прошу продать конфеты, но мне отказывают, говорят, что это бутафория. Я повторяю свою просьбу, говорю, что бабушка разрешила купить любые конфеты. Продавщица смеется до слез, машет руками. Ушел без конфет.

Недалеко от нашего дома стояла бочка с сиропом. Продавщица налила сироп в бидон, получила деньги, дала сдачу. Дома рассказал, как мне отказались продавать бутафорию. Все смеялись. Бабушка посмотрела, сколько принес сиропа, пересчитала сдачу, часть денег отдала мне. «Почему ты не пересчитал сдачу? Женщина ошиблась и, может, уже обнаружила недостаток денег. Иди, верни деньги, извинись».

Началась война, у граждан изъяли радиоприемники. Суровое наказание ожидало того, кто не сдал свой радиоприемник.

После окончания войны запрет на пользование радиоприемниками был отменен.

В 1946 году поступил в продажу телевизор «Т—1 Москвич». Размер изображения десять сантиметров на тринадцать. В 1947 году выпустили на продажу телевизор «Т-1 Ленинград». Размер изображения десять сантиметров на четырнадцать. Телевизоры были рассчитаны на прием первого телевизионного канала и радиовещательных станций. Владельцы радиоприемников и телевизоров вносили ежемесячную абонентскую плату.

В Москве открылись многочисленные школы балльных танцев. Во дворах танцы проходили без происшествий, а в парках отдыха на танцверандах бесконечные разборки. В одной из московских газет мастера спорта по боксу Авдеева обвинили за то, что он избил на танцверанде негодяев, искавших любой повод для драки.

Продолжалась кампания по борьбе с космополитами. Любого гражданина, интересующегося западной литературой, музыкой, модой, могли объявить космополитом. Теперь танго называют медленным танцем, фокстрот – быстрым танцем, джаз-оркестр – эстрадным

оркестром. Райкомы комсомола организовали комсомольские группировки, которые нападали на девушек, носивших короткие юбки, и на юношей, имевших длинные волосы и узкие брюки. Юбки и брюки комсомолцы разрезали ножницами, а на голове у парней выстригали машинкой для стрижки волос полосу от лба до макушки.

Конферансье Борис Брунов о моде на короткие юбки сказал: «Раньше лезли из кожи, чтобы юбку показать, а теперь лезут из юбки, чтобы кожу показать».

На Коптевском рынке продавались грампластинки, привезенные контрабандным путем. Был большой спрос на грампластинки с записью песен в исполнении Петра Лещенко. Его творчество замалчивалось, было под запретом. О нем распространялись вымыслы. Его называли врагом народа, изменником Родины, эмигрантом, белогвардейцем. Даже о его последних годах жизни противоречивые сведения. Член Союза журналистов Сафошкин написал: «В 1948 году Петр Константинович тяжело заболел, и ему пришлось оставить эстраду; в 1954 году его не стало». А вот что сообщил лектор общества «Знание» Абрамов В. Д.: «В 1951 году на концерте в г. Брашеве П. Лещенко был арестован румынскими органами госбезопасности. Жизнь Петра Константиновича Лещенко оборвалась в тюремной больнице в июле 1954 года. О кончине его родным – сыну и сестрам – сообщили лишь через два года. В 1952 году наш военный трибунал осудил Веру Георгиевну Белоусову – Лещенко. В июне 1954 года Верховный суд не усмотрел в ее действиях измены Родине, и по амнистии 1953 года она была освобождена со снятием судимости и полностью реабилитирована».

Окончился учебный год. Завтра уезжаю в пионерский лагерь. Что взять с собой? В комнату входит бабушка: «Внизу у подъезда тебя ждет женщина. Надо ей помочь. Монтер заболел, а у нее в комнате нет света. Сходи, посмотри». Пожилая женщина привела меня в дом, где она жила. Длинный коридор многокомнатной квартиры освещался двумя лампочками. Слева на стене электроцит. Женщина открыла дверь, захожу в комнату. Проверил выключатель, влез на стол, вывернул лампочку, проверил патрон, ввернул новую лампочку. В комнате – темно. Вышел в коридор, смотрю – куда идут провода из комнаты в электроцит. Жильцы коммунальной квартиры следят за мной. Заменял предохранители, в быту их называли пробками, в комнате без изменений – темно. Скрученные провода, на роликах проложены вдоль стены в трех сантиметрах от потолка. Чтобы проверить целостность проводки, необходима лестница, так как от пола до потолка около трех метров.

Деревянную лестницу поставил у электроцита, встал на верхнюю перекладину, левой рукой опираюсь о стенку, смотрю – нет ли повреждений изоляции, затем правой рукой проверяю целостность проводов. Спускаюсь вниз до пола, переставляю лестницу, и все повторяется.

Я слышал – о чем спорят жильцы коммунальной квартиры. Одни утверждали, что я не найду неисправность, упаду с лестницы, другие были убеждены в обратном.

Дверь в комнату, где живет женщина, открыта. Она стоит на пороге и ждет момента, когда загорится лампочка, чтобы сообщить об этом мне.

Что делать, если вся проделанная работа окажется напрасной? Волнуюсь. По цвету стена, провода мало, чем отличаются друг от друга. Смотрю на потолок – вижу справа от меня темное пятно. Спускаюсь, переставляю лестницу. Вот я и на верхней перекладине. Правой рукой медленно прощупываю провода под темным пятном на потолке. Снизу до меня доносятся слова: «Горит! Не горит!». Ножом снял с концов поврежденного провода изоляцию, тщательно зачистил их, скрутил, обмотал изоляционной лентой. Ремонт окончен, любопытные ушли. Женщина протянула мне деньги, я отказываюсь их брать. Она настаивает на своем: «Возьми, ты их заработал». Иду домой, в кармане первые заработанные деньги.

Пионерский лагерь находился в подмосковном лесу. Ежедневно утром и вечером проводятся линейки. Шесть отрядов построены по два человека в ряд. По сигналу горна отряды выходят на линейку. Строем проходят мальчики и девочки в алых галстуках. Дежурные

по отрядам отдают рапорты. В лагере проводятся спортивные соревнования, военные игры, прогулки в лес, работают кружки.

После полдника я приходил в пионерскую комнату, включал радиоприемник «Родина» и на коротких волнах слушал музыкальные передачи зарубежных радиостанций.

Отбой. В комнату входит вожатый, выключает свет, уходит. Мы решаем, кто сегодня будет пересказывать содержание книги, которую многие не читали.

На кухне работают местные жители. Ежедневно после ужина из столовой выходила женщина с двумя сумками в руках, оглядывалась по сторонам и быстро по тропинке уходила в лес. Затем вслед за ней шли другие работники столовой. Было заметно, как трудно им нести тяжелые сумки. Я и ребята первого отряда дважды говорили старшему вожатому и вожатому отряда о том, что порции маленькие, добавки нам не дают, а работники столовой каждый вечер воруют еду. В первый раз вожатые на наши жалобы не обратили внимание. Когда мы пришли к ним во второй раз, вожатые потребовали прекратить разговор о еде и не разлагать отряд, иначе будет особый разговор.

Что же надо сделать, чтобы взрослые услышали и поняли нас? О решении, договорились – никому не сообщать. Рано утром встали, оделись, заправили кровати и тихо вышли из спального корпуса.

Лесная тропинка уводит нас от лагеря. Прохладно. Трава и листья кустарников омыты росой, колышутся от ветра, позолоченные солнцем верхушки деревьев. До нас доносится сигнал горна. Надо что-то предпринимать. Решили отправить в лагерь разведчика и до его прихода собирать землянику и малину. Прошло уже два часа, а наш товарищ не вернулся. Мы продолжали терпеливо ждать. Вот на тропинке показался разведчик. Он бежит к нам и размахивает руками: «В лагере все стоят на ушах. Кто-то видел нас и сообщил, что мы ушли в лес. Сюда идут вожатые первого и второго отрядов, с ними горнист. Что делать?» Мнения разделились. Одни хотели вернуться в лагерь, другие были с ними не согласны. Я высказал свое мнение: «Если вернемся сейчас, то нас обвинят в нарушении лагерной дисциплины, распорядка дня, нам не дадут возможность объяснить причину побега из лагеря. Надо еще пару часов пробыть в лесу. За это время все в лагере узнают о нашем отсутствии, будут задавать много вопросов вожатым и начальнику лагеря. Когда вернемся, все объясним и, надеюсь, нам поверят и нас поймут».

Справа послышались крики и звук горна. Засиживаться на одном месте нельзя – нас увидят. Быстро уходим влево. Устали, на краю поляны отдыхаем. Ребята вели разговор о еде, о товарищах, захотели вернуться в лагерь – там хорошо, весело, а здесь комары, паутина, крапива, ветки бьют в лицо. Где-то далеко от нас прозвучала барабанная дробь и горн. Решили быстро идти напрямик к поисковой группе. Вскоре встретились с пионерами из нашего лагеря. Они бегут к нам, кричат: «Нашли! Нашли!» Руководил поисковой группой вожатый второго отряда Олег. Он слушал нас, не перебивал, затем собрал всех вместе, привел в лагерь. Беглецов по одному вызывали на допрос в пионерскую комнату, меня вызвали последним. За столом сидели вожатые первого и второго отрядов, начальник лагеря. «Не стой у двери, подойди к столу. Я знаю, что ты уговорил пионеров первого отряда уйти из лагеря и прятаться в лесу от искавших вас товарищей. Это был необдуманный, рискованный, опасный поступок. А если бы вы заблудились в лесу, или еще что-либо случилось? Приехали родители, а вас нет. Им сообщили причину – в лагере проводится военная игра. Я, начальник пионерского лагеря, отвечаю за всех и за все, что происходит здесь. Почему вожатый первого отряда не доложил, что его пионеры жаловались на работников пищеблока?» В комнате тишина. Вожатый первого отряда встал из-за стола и сказал: «Работать на кухне никто из москвичей не захотел, так как маленькая зарплата, а рабочий день загружен до предела. Поэтому у нас работают местные жители. Если им запретить брать продукты домой, то они откажутся работать». Начальник лагеря попросил вожатых выйти из комнаты. «Сегодня на вечерней линейке ты должен изви-

ниться перед всеми, дать обещание не нарушать лагерную дисциплину. В противном случае – тебя отправлю домой». Я ответил, что согласен извиниться, если начальник лагеря объяснит всем причину нашего ухода в лес. Начальник лагеря молчал несколько минут, затем сказал: «Из всего того, что ты слышал здесь, сделай правильные выводы. Иди». Я вышел из пионерской комнаты, ко мне подошел вожатый второго отряда Олег: «Пошли в столовую, там уже накрыт стол». Настроение плохое, еда не лезет в рот. Я размышлял о том, что произошло сегодня, как закончится день. Но всего не предусмотреть.

На вечерней линейке выступил начальник лагеря: «Каждый вожатый хочет внести свой вклад в жизнь лагеря, чтобы она была наполнена полезными, интересными делами. В первом отряде планировалось провести после завтрака военную игру. Вы все знаете, что в лесу надо быть собранными, внимательными, дисциплинированными, без вожатого запрещено уходить из лагеря. Однако, пионеры первого отряда до завтрака ушли в лес без вожатого. В незнакомом для них лесу они заблудились. Поисковая группа нашла их, привела в лагерь. С каждым нарушителем дисциплины была проведена беседа. Они обещали больше не повторять небрежных, опасных поступков. Если кто-либо нарушит свое обещание, то будет отправлен в Москву». В оставшиеся дни до окончания смены дежурные по столовой приносили добавки всем желающим.

Последний день пребывания в пионерском лагере, готовимся к вечернему костру.

Когда солнце скрылось за верхушками деревьев, небо стало меркнуть, но еще не зажглись первые звезды, все собралось на поляне у костра. Летят золотистые искры, яркое пламя выхватывает из темноты деревья, освещает лица, руки, звучат песни. После сигнала горна: «Спать, спать по палатам, пионерам, октябрятам» долго слышатся смех, разговоры. Слишком много впечатлений, чтобы сразу уснуть.

Когда мы становимся старше, у нас появляются другие интересы и новые товарищи. В районном Доме пионеров я познакомился с Виктором и Валерием. Выяснилось, что мы живем недалеко друг от друга, любим слушать джаз, занимаемся спортом. Они – греблей, я – легкой атлетикой.

В один из летних дней в Дом пионеров пришел учитель женской школы Александр Петрович. Руководитель радиокружка познакомил нас с ним и предложил послушать его.

«Я приглашаю вас принять участие в сборке щитовых домиков под Звенигородом. Там будет летняя туристская база. Для строителей еда, дорога, проживание – бесплатно. Необходимо поговорить с родителями, получить их согласие. Завтра в девять часов встречаемся на Белорусском вокзале». К девяти часам на Белорусский вокзал пришли семь молодых строителей и Александр Петрович.

В Звенигороде нас встретил водитель грузовой машины. Александр Петрович ехал в кабине, а мы в кузове. В деревне у сарая машина остановилась. Начался первый рабочий день.

Из сарая вынесли и положили в кузов машины три разобранных щитовых домика, топоры, пилу, веревки, металлические кровати, постельные принадлежности, несколько ящиков с едой, посуду, лом, дрова. Машина медленно ехала по дороге, а мы быстро шли за ней.

Мне не понравилось место, где мы остановились – трава по пояс, комары, справа дорога, до нас доносится шум от проходящих где-то впереди поездов, воду для питья придется брать из речки.

Лопатами срезали траву, разгрузили машину, вбили в землю колышки в тех местах, где будут стоять домики.

Александр Петрович руководил сборкой одного домика, водитель – другого. После сборки третьего домика водитель уехал.

Александр Петрович собрал нас, рассказал о предстоящих работах в ближайшие дни: «До приезда повара еду будете готовить сами. Сегодня надо сделать ступеньки для спуска к реке, подготовить место для костра, приготовить обед и ужин. Завтра перевезем все, что оста-

лось в сарае. После сборки всех домиков сделаем спортивную площадку. По графику будете нести круглосуточную охрану базы, помогать повару – носить из речки воду, колоть дрова. У нас есть деревянные макеты винтовок, в темноте их трудно отличить от настоящих».

Шел пятый рабочий день. После обеда приехала повар Надежда Васильевна. Александр Петрович дал нам задание – вырыть яму, в ней собрать домик, перенести в него из автобуса продукты.

В землю вбили колышки, натянули веревку, начали копать. Не успели снять дерн, как пошел дождик. Четыре землекопа бросили лопаты, убежали в свои домики. Александр Петрович и Надежда Васильевна не смогли уговорить их копать яму во время дождя.

Я, Виктор, Валера разделись в домике и в трусах, ботинках пошли копать яму. Работать было тяжело – земля прилипала к лопатам. Устали, нам жарко, пьем воду из носика чайника, отдыхаем.

Чем глубже копаем, тем чаще и продолжительнее отдыхаем. Наконец-то дождик окончился. Рулеткой измеряем глубину ямы – глубже копать не надо. Необходимо сделать ступеньки для подъема из ямы и спуска в нее.

Собрали домик, перенесли в него из автобуса продукты. Надежда Васильевна поблагодарила нас, дала три бутылки воды, три батона хлеба, три банки сгущенного молока, шесть конфеток.

Входим в домик. На наших кроватях сидят четыре парня. «Из-за дождя все остались сегодня без ужина. Вы переодевайтесь, а мы откроем банки, бутылки, вместе с вами поедим». Во время нашего позднего ужина неожиданно открылась дверь, вошел Александр Петрович, осмотрелся и сказал: «Быстро заканчивайте есть, выходите на построение».

Через несколько минут вышли из домика, построились в шеренгу, слушаем стоящего перед нами Александра Петровича: «Надежда Васильевна сообщила мне, что трое из вас выполнили мое задание и получили от нее продукты. Я уверен – ее заставили сделать это». Виктор, стоявший рядом со мной, громко произнес: «Это неправда! Надежда Васильевна сама дала нам продукты, никто ее не заставлял!» Александр Петрович подошел к Виктору: «Не перебивайте, дайте мне договорить до конца. Вы и ваши друзья уговорили четырех товарищей не копать яму, заставили Надежду Васильевну отдать вам продукты. Завтра утром на базу придет группа туристов. После общения с вами у них может сложиться негативное мнение о базе. Я не хочу, чтобы это произошло, поэтому запрещаю вам находиться здесь. Сейчас вы соберете свои вещи и уедете в Москву. Торопитесь, иначе опоздаете на электричку». Мы собрали свои вещи в рюкзаки, пошли в Звенигород.

Электричка привезла нас на Белорусский вокзал. Наземный транспорт не ходил. По улице Сущевский вал дошли до Октябрьской улицы, повернули налево, остановились. Виктор и Валерий жили в одном доме, но в разных подъездах. Валерий на втором этаже, Виктор на первом. Они отказались идти домой, так как у них не было ключей. Если стучать в двери – можно разбудить всех жильцов дома. Виктор сказал мне: «Мы пойдем с тобой. Может, в твоём дворе, удастся где-нибудь пробыть до утра».

Вот и пятый проезд Марьиной Рощи. Свернули налево, вошли во двор. Все двери в подъездах нашего и соседнего дома оказались закрытыми. На земле перед голубятней лежат доски. Подошли к ним, сняли рюкзаки, присели на них. Прохладно. Что делать? Ходить всю ночь с рюкзаками за спиной, чтобы не замерзнуть – тяжело. Вот если бы их удалось куда-нибудь надежно спрятать, то мы смогли бы ходить налегке до утра.

Обсуждали разные варианты и приняли решение – положить рюкзаки на чердаке дома, где я жил. Чтобы попасть на чердак, необходимо открыть окно на втором этаже, перелезть через него, спуститься на первый этаж, открыть дверь, подняться на второй этаж, затем на чердак.

Мы взяли одну из досок, лежавших у голубятни, донесли ее до дома, положили на землю под окном. Теперь доску надо поднять так, чтобы она своим концом достала до окна второго этажа и не разбила стекло.

Во двор вошла парочка – парень и девушка. Когда они увидели, чем мы занимаемся, молча убежали. Возможно, нас приняли за ночных воров-домушников. Доску установили под правой створкой окна. Виктор и Валерий держали доску, чтобы она не могла опускаться по стене и не передвигалась вправо или влево.

Я встал коленками на доску, согнулся так, чтобы локти лежали на доске, а пальцы рук могли обхватить края доски. Переместил вперед правую руку, затем – левую, подтянул ноги. Осторожно, чтобы не потерять равновесие, не упасть с доски, полз вперед.

Когда дополз до стены дома, правой рукой толкнул створку окна. Она не открылась, а доска зашаталась. Толкнул еще раз, створка открылась. Сначала правой рукой, а затем левой схватился за край подоконника, лег животом на подоконник, опустил руки, согнулся. Ладони рук коснулись пола лестничной площадки. На руках переместился до лестницы, по которой можно подняться на чердак.

Опираясь на левую руку, правой дотянулся до ступеньки лестницы, подтянулся. С нескольких попыток удалось опустить ноги с подоконника на пол. Встал, спустился по крутой лестнице на первый этаж. Из кольца, установленного слева на двери, вытащил толстый, длинный, кованый крючок, закрепленный к правой стене подъезда. Открыл дверь. У подъезда стоят Валерий и Виктор, на земле три рюкзака. Взяли рюкзаки, поднялись на второй этаж. Слева короткая лестница, справа окно. Закрыв створку окна, поднялись на чердак. Прохладно, на веревке висит белье. Спрятали рюкзаки, спустились на первый этаж, вышли во двор, закрыли дверь.

Мы гуляли по ночной Москве, говорили о спорте, о джазе, о коротковолновых приемниках, обсуждали то, что произошло с нами за последние дни, строили планы на будущее. Дошли до Цветного бульвара, отдохнули на скамейке, вернулись в Марьину Рощу.

Я, потом Виктор и Валерий поднялись на чердак, чтобы забрать рюкзаки. Они исчезли. Белье висит на веревке, а рюкзаков нет. Спустились с чердака на лестничную площадку. Открылась дверь на кухню, у порога стоит бабушка. «Здравствуйте, ребятки. Не волнуйтесь, ваши рюкзаки я перенесла в комнату. Утром поднялась на чердак посмотреть – высохло ли белье, и увидела рюкзаки. Проходите в комнату, можете их взять».

Когда Виктор и Валера ушли, я рассказал о том, что произошло на туристской базе и как рюкзаки оказались на чердаке. Выслушав меня, бабушка сказала: «Я знала, что вы придете за рюкзаками. Ждала вашего возвращения. Увидев на чердаке рюкзаки, испугалась. Подумала, что с вами что-то случилось. Внимательно осмотрела место, где лежали рюкзаки, и увидела следы на земле, которая насыпана для утепления чердачного перекрытия.

Бросила на карты. Они рассказали мне, что вы живы, скоро придете домой. Теперь я не могу гадать так, как могла раньше. Не понимаю всех связей между картами, не получается полная, четкая картина. В Гражданскую войну, и в Челябинске, во время эвакуации, я и без карт знала, где твой дедушка, с кем он, что делает. Со временем этот дар у меня пропал. Видно он появился в трудное, тяжелое время, а затем как пришел, так и ушел».

Я вспомнил дедушкины слова до моего отъезда в пионерский лагерь: «Окончилась Гражданская война. Я с братом Степаном возвращался домой. Неожиданно на дороге увидел дочерей Клаву и Наташу. Они сообщили мне, что мама послала их встретить отца».

Много странного и непонятного происходит в нашей жизни. Я вспомнил сцену прощания с отцом. В военной форме на лестнице стоит отец, он держит меня на руках, а я спрашиваю его: «Папа, я тебя еще увижу?» Несколько месяцев спустя, почтальон принес похоронку. Прошли минуты воспоминаний, я вернулся в реальный мир. Впервые бабушка говорила мне о себе, о дедушке, о событиях давно минувших дней.

«Я вышла замуж, когда мне было шестнадцать лет. Фролу в то время исполнилось восемнадцать. У него два брата. Старший – Степан, ты его видел, младший – Егор, живет в Павлограде. Отец Фрола был недоволен тем, что я выхожу замуж не за старшего сына Степана, а за Фрола. Перед свадьбой он сказал Фролу: «Ты можешь построить дом, сложить печку, заработать деньги, чтобы прокормить семью. Степан и Егор ничего не умеют, мне им надо помогать. Не жди от меня свадебного подарка, не обижайся». Фрол ответил: «Спасибо, отец! Ты уже сделал мне подарок – подарил жизнь! Прими и ты от меня подарок». Он вырвал у себя клочок волос, протянул отцу.

Мы три раза горели, заново строились. От тифа умерли мои маленькие девочки и мальчики. Бабушка называла женские, мужские имена. Неожиданно стала говорить тихим голосом: „Дочка Маруся была умная девочка, хорошая помощница. Ее любили Фрол и я. Когда она заболела, никто не смог ее спасти. Маруся перед смертью сказала: «Мама, дай мне водочки, чтобы было легче умереть». Бабушкин голос дрожал, прерывался. Она вновь переживала все то, о чем рассказывала.

«Нам многое пришлось испытать – голод, две войны, две карточные системы, страх перед тем, что в любое время могут арестовать. Первая карточная система была проведена в двадцатые годы, продолжалась до тридцать шестого года. Про вторую ты все знаешь сам. Было страшное время. Хватали и сажали всех подряд. Закрывали церкви, расстреливали священнослужителей, арестовали патриарха Тихона. Степан и Фрол боялись за нас. Они знали, что многие боевые товарищи уже арестованы. У Фрола под подушкой лежал револьвер. Он сказал мне: «Всех, кто придет арестовать меня, застрелю. Последнюю пулю оставляю для себя».

Степан и Егор – партийные, Фрол – беспартийный. Степана чуть не выгнали из партии. В райкоме узнали, что Степан был в церкви во время отпевания его матери. Вызвали в райком, допросили, объявили строгий выговор.

Егор в партии с 1921 года. После окончания Гражданской войны уехал на Украину. Там был на государственной и партийной работе. С 1943 года по 1947 год – первый секретарь Павлоградского райкома партии. Сейчас работает в Павлограде. У него жена, дети. Приглашал нас приехать к нему в гости».

5 марта 1953 года умер Сталин. В стране был объявлен траур. В Москву бесконечным потоком прибывали граждане, – стремились попасть в колонный зал Дома союзов, где находился гроб с телом Сталина. В давке на улицах погибли и были искалечены многие из тех, кто пришел на похороны.

В печати стали появляться статьи о вреде культа личности. Домой из тюрем и лагерей возвращались миллионы безвинно репрессированных граждан.

В школе проводились встречи с кинорежиссерами, с диктором радио Левитаном, с оставшимися в живых членами молодежной подпольной организации «Молодая гвардия».

Краснодонцы рассказывали о погибших товарищах, о себе, о романе Фадеева «Молодая гвардия: «Фадеев писал роман впопыхах, на скорую руку. Включил в него сплетни, слухи. В результате были искажены факты, честные граждане оклеветаны. Им пришлось уехать из города, сменить фамилии».

Дома, как и прежде, все бытовые заботы, хлопоты несла на себе бабушка. Дедушка брал меня с собой на подработки. Мы ремонтировали комнаты – стены оклеивали обоями, белили потолки, окрашивали оконные переплеты и двери.

На складе макулатуры отремонтировали одноэтажный домик. Со всей Москвы на этот склад привозили книги, журналы на русском и иностранных языках. Здесь их прессовали, затем увозили на переработку.

На земле лежала небольшая, в мягком переплете книжка. Поднял ее. На обложке напечатано – «Дон Кихот» под редакцией Луначарского для рабочих и крестьян».

Несколько дней на склад с утра до вечера привозили новые школьные учебники. Их пресовали, затем увозили. До начала учебного года оставался один месяц. Успеют ли за это время напечатать другие учебники?

Окончился рабочий день. Дедушка положил в сумку инструменты, мы с рабочими ушли с территории склада.

Дома переоделся, вышел на улицу. У подъезда стоит мужчина. «Фрол Степанович здесь живет?» – спросил он. Я утвердительно кивнул головой. Поднялись на второй этаж, вошли в комнату, мужчина сказал дедушке: «Фрол Степанович, здравствуй! Помнишь меня? Вижу, что не узнаешь. Я моложе тебя, а выгляжу стариком. Ты говорил мне – держи язык за зубами. Знай, где и что можно говорить. За анекдот получил длительный срок. Вышел досрочно по амнистии. Сегодня ходил по знакомым адресам. Одних нет в живых, другие не желают со мной разговаривать». Дедушка подошел к гостю: «Здравствуй! Проходи к столу». Посмотрел на меня, сказал: «Иди, погуляй. Нам надо поговорить». Не успел выйти на улицу, как на лестничную площадку вышел дедушка: «Купи для гостя папиросы, не задерживайся».

Я вспомнил, что в чулане есть открытая пачка папирос. Поднялся на лестничную площадку, вошел в чулан. Справа на стене сумка, в ней противогаз и папиросы. Вытащил из сумки папиросы, отнес их дедушке. Он взял пачку и сказал: «Ты же не куришь. Откуда у тебя эти папиросы?» Я рассказал о мужчине, который дал мне папиросы.

В один из летних дней прошедшего года возвращался домой по безлюдной улице. У пивной увидел двух стоящих мужчин. Когда проходил мимо, один из них пошел за мной. Вскоре он догнал меня, спросил: «Местный? Где живешь?» Я ответил: «Пятый проезд, дом сорок три». Мужчина продолжил разговор: «Значит соседи. Я живу через дорогу напротив». Сделав небольшую паузу, мужчина начал говорить на непонятном мне языке, в котором не было ни одного русского слова. Он шел рядом со мной, я внимательно слушал, но ничего не мог понять. Кто этот незнакомец? О чем говорит? Неожиданно он заговорил на русском языке: «Вот как бывает. А случается и такое». Опять прозвучал странный язык. Ходили слухи, что в одноэтажном доме напротив нас живет авторитетный вор. Может незнакомец говорит на воровском языке? У дома, где я жил, остановились. Мужчина закурил, протянул мне пачку папирос, сказал: «Возьми, оставь у себя. Ты знаешь, где я живу, заходи».

Тропинка пройдена. Память вела меня по местам детства, юности. Много из того, что увидел, не рассказал.

Дедушка и бабушка переехали из Марьиной Рощи на улицу Новаторов. Это было время, когда инженерам и техникам запрещали работать по совместительству, а рабочим – разрешали. Граждане, получавшие пенсии, не имели право работать.

Дедушка работал сторожем на автостоянке, расположенной недалеко от дома, где он жил. Однажды к нему пришли двое мужчин. Они сообщили дедушке, что сосед по лестничной площадке написал письма в райком партии, в собес. Сосед просил наказать дедушку за то, что он нарушает закон – получает пенсию и работает на автостоянке сторожем. «Мы выяснили, что вы – не член партии, зарплату не получили. Советуем отказаться от работы, поменьше общаться с соседом».

Дедушка отказался от работы на автостоянке, без свидетелей по-мужски поговорил с соседом. Дедушка был строителем, пытался устроиться на работу по специальности, но его не брали из-за возраста. В теплое время года дедушка уезжал за город ремонтировать, строить дачи. О людях, как он, говорят – мастер на все руки. Мебель, которая была в комнате, дедушка сделал своими руками. Ремонтировал обувь, швейные машины, шил одежду. У него было много клиентов, так как он шил хорошо, а за свою работу получал гораздо меньше, чем клиенты заплатили бы в ателье.

Когда приносили на перелицовку поношенную одежду, дедушка и бабушка работали вместе. Бабушка осторожно распарывала одежду, тщательно вычищала каждую деталь одежды

от пыли и волосинок, из швов и строчек выдергивала оставшиеся нитки. Дедушка и бабушка любили друг друга, но об этом не говорили вслух.

В последние минуты своей жизни дедушка думал о бабушке, говорил о ней. Перед смертью дедушка сказал два слова дочерям Клаве и Наташе: «Берегите мать».

ТАРУСА

На полке стоит книга «Учебный обиход нотного пения употребительных церковных распевов». К сожалению, я забыл имя человека, который подарил мне эту книгу. Возможно, что его звали Борисом Михайловичем.

До выхода на пенсию Борис Михайлович работал фотокорреспондентом в одном из московских журналов. После смерти жены он пытался продать ее дом в Тарусе, но безуспешно. Борис Михайлович пригласил меня поехать вместе с ним в Тарусу. «Соглашайся, не пожалей. В Тарусе красивые места – Ока, лес, рощи, поля. Покажу местные достопримечательности. Заодно посмотришь дом, в котором жила моя жена. Расскажешь о нем своим знакомым. Может среди них найдется желающий купить его».

В Тарусу приехали утром. Борис Михайлович привел меня на территорию санатория имени Куйбышева. Никто на нас не обратил внимание. У танцплощадки остановились. К нам подошел молодой мужчина. Борис Михайлович поздоровался с ним, затем сказал мне: «Это Иван Бодров – писатель, краевед. Он знает о Тарусе, Цветаевых, Борисове—Мусатове и Паустовском больше, чем я. Послушай его».

Иван Бодров начал свой рассказ: «Особое место в жизни Марины Цветаевой занимает город Таруса. Впервые родители Марины Цветаевой – Иван Владимирович, Мария Александровна – приехали в Тарусу в 1891 году к двоюродной сестре Ивана Владимировича – Добротворской. Летом 1892 года они сняли в долгосрочную аренду городскую дачу Песочное.

С 1893 года по 1910 год приезжали на эту дачу. На месте танцплощадки раньше стояла дача Песочное. Я не знаю, почему администрация города запрещала проводить какие-либо ремонтные работы в этом доме. Когда он начал разрушаться, его снесли. Ходили слухи, что был приказ сверху— уничтожить все, что связано с фамилией Цветаевых».

По тропинке спустились до дороги, пошли к могиле художника Борисова—Мусатова. Художник Васнецов В. М. с уважением отзывался о своем товарище по искусству: «...какая чуткая душа у этого удивительнейшего по живописности и мягкости художника. Без души и сердца ныне не может быть художника. А у Мусатова есть и то и другое».

Когда пришли к могиле художника Борисова—Мусатова, Иван сказал нам: «Борисов—Мусатов похоронен в месте, которое он указал незадолго до смерти. Ему очень нравился этот косогор. В картине „Осенняя песнь“ он написал вид реки Оки с этого косогора».

Где-то далеко от нас шла гроза – мы слышали раскаты грома. Легкий ветерок пробежал по кустам, растущим у могилы, солнце спряталось в облаках. «Виктор Эльпидифорович Борисов—Мусатов родился в Саратове 14 апреля 1870 года в семье бухгалтера железной дороги Эльпидифора Борисовича и Евдокии Гавриловны Мусатовых. Дед художника Борис Александрович Мусатов был крепостным, владел большой водяной мельницей в селе Хмелевка недалеко от Саратова. Впоследствии художник имя деда присоединил в качестве первой фамилии к своей родовой. Получилась двойная фамилия – Борисов-Мусатов. Когда Виктору было три года, он упал со скамейки и повредил позвоночник. От полученной травмы у него начал расти горб и проблемы со здоровьем не прекращались в течение всей его жизни.

Изобразительному искусству Борисов—Мусатов учился в Саратове, Москве, Петербурге и Париже.

Первой большой работой художника был «Автопортрет с сестрой». Картина написана в 1892 году, хранится в Русском музее.

Борисов—Мусатов создает цикл лирических картин и получает известность не только в России, но и за границей. В Германии и Франции успешно проходят его выставки. Художник много работает. В год пишет девять законченных картин. Весной 1905 года Борисов—Мусатов

с женой и дочерью приезжает в Тарусу. Они живут на пустующей даче Цветаевых. Здесь он проводит свои последние месяцы жизни.

Утром 26 октября (8 ноября) 1905 года Борисов—Мусатов умер. В 1910 году на могиле художника был установлен памятник работы саратовского скульптора Матвеева.

Мы видим композицию – на волнообразной поверхности надгробия лежит обнаженное тело утонувшего мальчика. Одни утверждают, что изображен утонувший мальчик, другие – уснувший». Я слушал Ивана и не обращал внимание на первые капли дождя, на усиливающиеся порывы ветра.

«Есть две версии о композиции надгробия. Первая версия – художник рано ушел из жизни. Он не успел в полной мере раскрыть данный Богом талант. Вторая версия – Борисов—Мусатов вытащил из реки тонущего мальчика, но не смог вернуть его к жизни. Художник сильно простудился и скоропостижно умер».

Дождик набирал силу. Втроем быстро пошли к большому красивому дереву. Таких деревьев, как это, я не встречал даже в лесу. Густая крона надежно защищала нас от ливня. На темном небе вспыхивали одна за другой молнии. Они били в землю. От грохота грома вздрагивала земля. Мы молча наблюдали за тем, что происходит вокруг нас. Нарушил молчание Иван – он начал читать стихи Марины Цветаевой. После стихов Иван перешел на прозу. «Я знаю мужчину, который на свои деньги установил памятник Марине Цветаевой. В Тарусе нет ее могилы, но она хотела, чтобы ее похоронили здесь. На памятнике были слова: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева».

В эмиграции Марина Цветаева в 1934 году в рассказе «Хлыстовки» написала: «Я бы хотела лежать на тарусском Хлыстовском кладбище, под кустом бузины, в одной из тех могил с серебряным голубем, где растет самая красная и крупная в наших местах земляника. Но если это несбыточно, если не только мне там не лежать, но и кладбища того уже нет, я бы хотела, чтобы на одном из тех холмов, которыми Кирилловны шли к нам в Песочное, а мы – к ним в Тарусу, поставили с тарусской каменоломни камень: «Здесь хотела бы лежать Марина Цветаева».

Слух о памятнике быстро распространился по городу. У памятника собралась толпа. Местная власть приняла срочные меры по сносу памятника. Приехал трактор. Водитель попросил всех отойти подальше, так как буксировочный трос может лопнуть и поранить. Вскоре любопытные граждане увидели, как трактор на тросе тащил вниз по склону памятник. Зацепившись за что-то, памятник несколько раз перевернулся, раскололся на части. Их собрали и утопили в реке».

Иван замолчал. Борис Михайлович посмотрел по сторонам, на небо и сказал: «Гроза прошла. Можно идти домой. Иван! Приглашаю тебя пойти с нами. Есть что выпить, чем закусить. Сейчас хорошо бы принять для согрева. За столом продолжим наш разговор». Иван ответил: «Мне нужно вернуться домой, чтобы переодеться. Потом я приду к вам».

Борис Михайлович показал мне дом, который он хотел продать. Оказалось, что одна половина дома уже давно продана. Оставшуюся часть дома никто не покупал из-за высокой цены. Я посоветовал Борису Михайловичу сделать покупателям скидку, иначе сделка не состоится. Он подозрительно посмотрел на меня. «Сделать скидку? Черта с два! Все равно купят! Может ты хочешь купить и поэтому говоришь о скидке? Ты посмотри, какая у нас красота, аж дух захватывает! За красоту надо платить».

Я вспомнил об экскурсии на озеро Рица. Экскурсовод сообщил нам о том, что эти места посещал патриарх Алексей 1. Перед отъездом он сказал: «Красота здесь божественная, а цены – безбожные».

«К сожалению, настоящие ценители красоты встречаются редко. У меня есть большая коллекция цветных слайдов древних рукописей, икон, картин. Местным чиновникам предлагал провести сделку. Они присваивают мне звание почетный гражданин города, а я дарю городу

свои слайды. Чиновники от сделки отказались. Сообщили мне, что звание почетный гражданин города присваивается за особые заслуги перед городом, а у меня таких заслуг нет. Посоветовали отнести слайды в музей. Я отказался. Может, ты купишь слайды? Продам со скидкой. В Тарусе я задержусь на один или два дня. Вечером протоплю печку. Надо сходить в сарай за дровами».

В сарае, слева от входной двери, на полу лежали книги. Я взял одну из них в руки. На церковно-славянском языке напечатано: «Учебный обиход нотного пения употребительных церковных распевов». Борис Михайлович подошел ко мне. «Перед тем, как растопить печку, я кладу в топку книгу, сверху дрова, затем книгу поджигаю. Раньше привозил для растопки печки газеты, а теперь сжигаю книги из библиотеки жены. Не хочу, чтобы книги напоминали мне о ней. Послушай меня до конца, и ты поймешь, почему я это делаю. После революции большевики приняли декрет об отделении церкви от государства. Церковь ставилась вне закона. На церковь начались гонения. Закрывались монастыри, церкви. Церковь лишалась имущества, а священнослужителей арестовывали, расстреливали. Отец жены был священнослужителем, он знал, какая участь ждет его, двум дочерям передал семейные драгоценности, посоветовал надежно их спрятать, уехать в безопасное место.

Сестра жены в поезде заболела, потеряла сознание. Когда она очнулась, то обнаружила, что поясок с драгоценностями, который был у нее на теле под одеждой – исчез. Незадолго до смерти жена рассказала мне эту историю, сообщила, что у нее есть поясок с драгоценностями. Когда она выходила на улицу, поясок прятала в печку, а дома поясок носила на теле под одеждой.

Я часто уезжал в длительные командировки. Когда жена заболела, попросил соседку присматривать за женой, помогать ей в хозяйстве. Однажды вернулся из командировки в Тарусу и узнал, что жена умерла, ее похоронили на местном кладбище.

До меня дошли слухи, что жену кто-то убил, на теле были видны следы от побоев. Высказывались предположения, что жену убил сын соседки, он недавно вернулся из зоны. Пошел к соседке, хотел с ней поговорить. Оказалось, что она и ее сын куда-то уехали. В милиции следователь выслушал, ответил на вопросы, посоветовал не клеветать на честных граждан, иначе меня привлекут к уголовной ответственности.

В комнате долго, внимательно искал поясок с драгоценностями. В печке нашел пустой поясок, а на полу под кроватью небольшой бриллиант. Это меня удивило и разозлило. Я не верил словам жены о драгоценностях до тех пор, пока не нашел бриллиант. Мы могли бы жить хорошо, не отказывать себе ни в чем. А может, драгоценностей не было, все это шутки, розыгрыш жены? Не знаю».

Я слушал Бориса Михайловича, смотрел на книги, не хотел, чтобы он их сжег. «Борис Михайлович! На полу лежат ценные книги. Каждая из них стоит больше, чем ваша коллекция цветных слайдов, и вероятно, что таких книг нет ни у кого. Не сжигайте книги, попытайтесь их продать». Борис Михайлович взял из моих рук книгу, внимательно рассмотрел ее, затем книгу отдал мне. «Дарю тебе на память. Сделка состоялась. Ты мне подарил идею, а я тебе – книгу. Пошли в дом. Иван может прийти в любую минуту».

Борис Михайлович накрыл стол. Открылась дверь. В комнату вошел Иван. В левой руке небольшого формата книга. Сели за стол, выпили, закусили. Иван достал из кармана пиджака несколько листов бумаги, сообщил нам, что будет читать письмо Анастасии Цветаевой. Я слушал Ивана и сомневался – письмо написано Анастасией Цветаевой или это плод фантазии Ивана. Окончив читать письмо, Иван положил его в карман пиджака и сказал нам, что написал несколько книг, одну из них принес показать нам. Иван взял со стола книгу, передал ее мне. Посмотрел на титульный лист—автором рассказов о художниках был Бодров Иван Яковлевич. Борис Михайлович стал упрашивать Ивана дать ему книгу во временное пользование. Иван взял у меня книгу, отдал ее Борису Михайловичу.

Застолье продолжалось. Иван читал стихи Марины Цветаевой, возмущался, что музей изящных искусств, основателем которого был отец Марины и Анастасии Цветаевых – Иван Владимирович Цветаев, теперь называется Государственным музеем изобразительных искусств имени Пушкина. Он говорил о художниках, о литературе, о Паустовском.

«Писатель Паустовский К. Г. 13 лет жил в Тарусе, занимался литературной деятельностью. Здесь написано «Письмо из Тарусы». Оно было напечатано в газетах. Правительство обратило внимание на тарусские проблемы, и город получил водопровод, электричество, асфальтированные дороги.

Писатель умер 14 июля 1968 года в Москве. По завещанию его похоронили в Тарусе на городском кладбище в месте, которое было выбрано им самим. Поэтесса Алигер написала следующие строки: «Паустовского Таруса хоронила, на руках несла, не уронила, криком не кричала, не металась, лишь слеза катилась за слезою. Все ушли, она одна осталась, и тогда ударило грозой».

Иван предложил нам пойти с ним на могилу Паустовского. Могила писателя была без ограды. На ней лежали цветы и большой валун.

Борис Михайлович и Иван остались в Тарусе, а я отправился в усадьбу художника Поленова В. Д.

Лодочник перевез меня на противоположный берег Оки. Я пошел по тропинке, которая то уходила влево, приближаясь к берегу реки, то убегала вправо, огибая рошу.

Неожиданно тропинка оборвалась. Путь преградил глубокий овраг. Осторожно спустился в овраг, затем медленно поднимался по крутому откосу. Наконец добрался до вершины косогора. Осмотрелся. Я нахожусь на заброшенном кладбище. Одни памятники наклонились, другие упали на землю. Кое-где из земли торчат надгробия. Они похожи на корму корабля, которая вот-вот скроется в пучине моря. Внизу – лес, Ока. Изгиб реки похож на женский локон, а небо на огромное полотно, где возникают быстро меняющиеся фантастические сцены батальных, сказочных существ. Тишина. Все это напоминает мне о картине Левитана «Над вечным покоем».

Я ушел с кладбища и вскоре добрался до усадьбы Поленова. Много туристических автобусов. В киоске купил книгу Паустовского «Золотая роза». По моей просьбе в ней поставили штамп – «Государственный музей-усадьба В. Д. Поленова».

Подходил то к одной, то к другой группе туристов, слушал, о чем рассказывают экскурсоводы.

«Музей-усадьба Поленова один из самых известных в России и за ее пределами. Здесь находится дом-музей, хозяйственные постройки, мастерская художника «Аббатство», Троицкая церковь в селе Бехово, построенная по проекту Поленова.

В музее хранятся коллекции, собранные несколькими поколениями семьи Поленовых. Василий Дмитриевич Поленов родился 20 мая (2 июня) 1844 года в Петербурге. Художник продолжительное время работал над картинами из жизни Христа, он написал более 50 картин на евангельские сюжеты.

Главное место в творчестве Поленова В. Д. занимает картина «Христос и грешница», которая хранится в Русском музее. Художник придавал большое значение названию картины. Авторское название «Кто из вас без греха?» было изменено цензором, который курировал в 1888 году передвижную выставку в Петербурге и в Москве, на «Христос и грешница». Картина написана маслом на холсте. Размер полотна 325 на 621 см.

Здесь находится угольный рисунок картины «Христос и грешница». Поленов исполнил его в 1885 году на холсте в размер картины и оставил рисунок в таком виде, не стал записывать его красками, потому что считал законченной вещью.

В Иркутском музее хранится уменьшенное повторение картины «Христос и грешница». Вот что писал об этом сын художника Поленов Д. В.: «Оно (полотно Иркутского музея) было

сделано потому, что купивший картину Александр III разрешил везти ее в Москву, а для дальнейшего путешествия по провинции велел сделать с нее копию. Копию сделал Коровин С. А., писавший фигуры и пейзаж, а лица – сам Поленов В. Д. Происходило это в доме Мамонтова С. И.»

Картина «Христос и грешница» написана на евангельский сюжет. Фанатически настроенная толпа во главе со священнослужителями привела на суд к Христу обвиняемую в неверности женщину. По закону и обычаям времени ее должны побить камнями.

По закону Моисея это великий грех, а по римским законам – незначительное правонарушение. Все заранее торжествовали победу, так как любое решение будет неправильным. Если Христос скажет «виновна», нарушит римский закон, если Он скажет «не виновна», нарушит закон Моисея. Все ждали. Христос промолвил: «Кто из вас без греха, первым брось в нее камень». Собравшиеся задумались, они вспоминали свою жизнь, свои грехи и поняли, что никто не имеет право кинуть камень. Все молча ушли. Остались Христос и грешница.

«Почему ты не уходишь?» – спросил Христос. Женщина ответила: «Ведь я грешна, меня не простили!» Христос сказал: «Иди!» Он не сказал, что она не виновна, но дал понять, что если она еще раз совершит грех, то будет наказана вдвойне.

Художник Василий Дмитриевич Поленов умер 18 июля 1927 года в возрасте 83 лет. Он похоронен на высоком берегу Оки в деревне Бехово на деревенском кладбище. На могиле, как и следовало по завещанию, поставлен деревянный крест, сделанный по эскизу художника.

В 1926 году в своем художественном завещании Поленов В. Д. писал: «Смерть человека, которому удалось исполнить кое-что из своих замыслов, есть событие естественное, закономерное, это есть желанный отдых, покой, причем покой небытия, а бытие остается и переходит в то, что ты сотворил».

Я пришел на могилу Поленова. На деревянном кресте надпись: «Василий Дмитриевич и Наталия Васильевна Поленовы». Перед крестом на могиле большой валун.

ПАНОРАМА «ВОЛОЧАЕВСКАЯ БИТВА»

Прошлое и настоящее неотделимы друг от друга, как слова и музыка в песне, как берег и море.

Мы забываем то, что происходило в нашей жизни много лет тому назад и не знаем, что и когда может заставить нас совершить путешествие во времени, вспомнить события давно минувших дней.

У меня в руках газета «Строитель выставки» №55 от 15 июля 1950 года – орган парткома, месткома, комитета ВЛКСМ и дирекции всесоюзной сельскохозяйственной выставки.

На первой странице в статье «На стахановской вахте мира» напечатано: «... скоростной метод кладки кирпичных стен, разработанный тов. Агеевым совместно с начальником участка тов. Кондратьевым, дал отличные результаты. Следует отметить производственную слаженность и взаимосвязь между бригадиром тов. Агеевым, начальником участка тов. Кондратьевым и мастером тов. Березиным».

Начальником участка работал мой дедушка, а мастером двоюродный дядя Анатолий Иванович.

Прошли годы, многое изменилось – Всесоюзная сельскохозяйственная выставка называется выставкой достижений народного хозяйства, Анатолий Иванович стал главным инженером одного из московских строительного-монтажных управлений, дедушка ушел на пенсию.

Анатолий Иванович жил в коммунальной квартире дома, расположенного на проспекте Мира, недалеко от ВДНХ.

Соседом Анатолия Ивановича в коммунальной квартире был художник Мухин Михаил Павлович, племянник скульптора Мухиной Веры Игнатьевны – автора монумента «Рабочий и колхозница».

«В бронзе, мраморе, дереве, стали изваяны смелым и сильным резцом образы людей героической эпохи – единый образ человека и человеческого, отмеченный неповторимой печатью великих лет». – писал искусствовед Д. Аркин об искусстве Мухиной В. И.

Однажды летом, читая газету, я обратил внимание на статью о панораме «Волочаевская битва». В статье сообщалось – московские художники Анатолий Андреевич Горпенко и Сергей Дмитриевич Агапов заканчивают работу над панорамой «Волочаевская битва». Панорама в ближайшее время будет отправлена на Дальний Восток.

Михаил Павлович работал на комбинате диарамно—макетных и художественно-исполнительских работ. Я позвонил ему, рассказал о статье в газете. Он подтвердил, что панорама «Волочаевская битва» не будет демонстрироваться в Москве, предложил мне приехать к нему домой, затем отправиться к художникам, работающим над панорамой «Волочаевская битва».

На следующий день утром я приехал к Михаилу Павловичу домой. Он сообщил мне – соседка находится в интернате для пожилых людей, Анатолий Иванович на работе. «У соседки нет близких, родных, которые могли бы ухаживать за ней, оказывать необходимую помощь. Перед уходом в интернат она подарила мне пепельницу. Эту вещь хранили в ее семье как память о капитане фрегата «Паллада». Были изготовлены две серебряные пепельницы. На каждой рельефное изображение парусника. Одна пепельница находилась в капитанской каюте, другая – у родных. По воле случая вторая пепельница оказалась у меня».

Проходят годы, свидетели и участники событий, которые происходили в стране, уходят в мир иной. История переписывается, изменяется. Героев объявляют врагами народа. Одних расстреливают, других отправляют в тюрьмы и лагеря. Мы живем в стране с непредсказуемым прошлым. Молодежь изучает историю по кинофильмам, и принимает за правду все то, что пишут и говорят прикормленные властью мастера слова, кисти и пера. К правде есть два пути –

путь размышлений и путь личного опыта. Каждый выбирает свой путь». Михаил Павлович замолчал, посмотрел на часы, и мы отправились по намеченному маршруту.

Михаил Павлович познакомил меня с художником Анатолием Андреевичем Горпенко. Выяснилось, что художник Агапов Сергей Дмитриевич ушел и сегодня не вернется. Анатолий Андреевич предложил мне подняться с ним на смотровую площадку. Когда мы поднялись на смотровую площадку, Анатолий Андреевич начал свой рассказ о панораме «Волочаевская битва».

«Панорама «Волочаевская битва» выражает преклонение живых перед подвигом павших. Волочаевская битва – маленький эпизод большой трагедии под названием – Гражданская война. На панораме изображен второй штурм Волочаевской сопки 12 февраля 1922 года. Это один из важнейших этапов Гражданской войны на Дальнем Востоке.

Перед битвой главнокомандующий народно – революционной армии Дальневосточной республики Блюхер В. К. написал командующему Дальневосточной белой армии, японской марионетке, генералу Молчанову В. М.: «Какое солнце предпочитаете вы видеть на Дальнем Востоке? Я – солдат революции и хочу говорить с вами, прежде чем начать последний разговор на языке пушек. На этих сопках и без того много могил».

9 февраля 1922 года начался штурм Волочаевской сопки. Здесь белогвардейцами был создан мощный укрепрайон. Бой длился три дня и три ночи. Положение частей народно – революционной армии осложнялось морозами, ночевать приходилось в чистом поле, многие обморозились.

12 февраля 1922 года в 7 часов 30 минут началось наступление на Волочаевку. Кавалерийские полки и части народно-освободительной армии вновь и вновь шли в атаку. Они прокладывали себе путь через четыре ряда проволочных заграждений, разрубая проволоку шашками и лопатами. По укреплениям белых велся артиллерийский и пулеметный огонь. Шли бои и у подножия склона Июнь—Корань, у деревни Верхнеспасское. Белогвардейцы дрались яростно, но вынуждены были отступать. В 11 часов 30 минут народно-революционная армия заняла Волочаевский укрепрайон.

Посмотри внимательно на панораму, поделись своими впечатлениями. Если у тебя будут замечания, скажи, не стесняйся».

Как я мог сделать замечания художникам – профессионалам, если в школе нам не дали знаний по искусству? Президент Академии художеств СССР Герасимов А. М. писал: «В настоящее время нашим школьникам не дают почти никаких знаний по искусству. Учащиеся, оканчивая средние школы, знакомы с историей, литературой и другими гуманитарными предметами, но они в большинстве случаев невежественны в области изобразительного искусства».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.